

В.И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА И ТЕОРИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Правильная методологическая постановка проблемы правоотношения в рамках конкретной правовой концепции может включать в себя несколько операций: 1) создание концептуального языка, прежде всего определенного типа правопонимания при сохранении традиционной догматики, в том числе традиционного учения о правоотношении (причем новые концепты, концептуальные понятия не операционализировать, а оставлять на уровне понимания (философии) права); 2) действие-деконструкция, осуществляющаяся напрямую от опыта правовой жизни параллельно устоявшемуся миру юридических понятий и категорий о правоотношении при отсутствии разработанной концепции права под эти цели; 3) совершенствование устоявшихся юридических понятий и категорий в традиционной теории правоотношения, догмы права независимо от рефлексии того или иного типа правопонимания.

Полагаем, что все эти три типа операций должны иметь место одновременно при хронологическом приоритете первого положения. По крайней мере, упущение из вида одной из этих трех операций сразу же сказывается на полноценности проекта.

Рассмотрим проблему правоотношения в рамках антропологии права и попытаемся сформулировать некоторые выводы и предложения по этому вопросу.

Антропологический взгляд на право основан на отказе от эссенциального рассмотрения права как сущностного образования [1]. Антропология права не ставит вопрос о том, «что есть право», в ее задачу не входит поиск сущности права – ее главное внимание привлечено к выяснению вопроса о том, «как есть право», т. е. о праве в действии, но применительно к человеку-в-праве¹, или к правовому бытию. Правовое

¹ Для обозначения модальности человека в правовой реальности в антропологической концепции права используется специальное обобщающее понятие «человек-в-праве», которое в таком варианте написания подчеркивает концептуальный характер этого понятия, характеризующего обобщенный образ существования человека в правовой реальности во всей совокупности его антропологических проявлений, как входящих в поле нормативности права в ее традиционном понимании (субъект права), так и не входящих в него (правовой человек) [2].

бытие с антропологической позиции есть не метафизическая модель сущности права, а такой способ осуществления права в правовой действительности, который характеризуется встречей человека-в-праве с такими актуальными и необходимыми составляющими правовой реальности, как норма права и факт правовой жизни. Правовое бытие, или бытие права, антропологическая концепция права рассматривает не метафизично, а человекомерно, антропологично. На этой идее и основывается антропологический тип правопонимания.

Перенос аналитического внимания с сущности права на его субъект является методологической установкой антропологической концепции права, которая заключается в рассмотрении субъекта права как человека-в-праве, т. е. в рассмотрении лица как конституирующегося не моделью «человека нормативного» (субъекта права как нормативной совокупности прав и обязанностей), а процессом складывания субъектности в процессе правовой субъективации, под которой понимаются такие антропологические практики, правоповеденческие модели самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается. Правовая субъективация выступает способом размещения человека в нормативном пространстве в качестве субъекта права. Именно практики правовой субъективации фактически характеризуют правовое существование человека-в-праве, точнее, той области, которая остается «за фасадом» человека в праве как субъекта права.

Такая методологическая установка антропологии права обуславливает и соответствующее методологическое действие, согласно которому в каждом разделе традиционной общеправовой теории выясняется формат догматического связывания, фиксации человека-в-праве в юридических конструкциях. Это же касается и конструкции правоотношения.

Согласно вышеприведенному пониманию права в антропологической концепции может показаться, что она методологически дрейфует к солипсизму, усматривая правовое бытие не в правоотношении, общении между субъектами права, а в самом субъекте права. Вместе с тем антропология права не отказывается от того значения и места в структуре правовой теории, которое занимает в ней правовое отношение. Более того, антропологическая установка рассматривает правовое бытие в антропологическом смысле не самоцельно, а предуготовительно – оно в конечном счете ориентируется на правовое со-бытие, бытие с другим – с «другим» в самом широком юридическом смысле – от субъекта конкретного гражданско-правового отношения до государства в лице конкретного должностного лица-представителя правоприменительного органа. Безусловно, правовое отношение выступает ключевой формой реализации

права, вместе с тем методологически правоотношение может быть представлено по-разному.

Антрополого-правовая позиция применительно к правоотношению выражается в следующем.

В антропологии права отношение между субъектами права представляется не с позиции целостности, институциональной концентрации, а с позиции децентрации, фиксации правоотношения не как главного и цельного образования, а как формы, воспроизводящейся конкретными правовыми существованиями отдельных правовых лиц. Поскольку антропология права в первую очередь направлена на изучение положения человека-в-праве, а не правоотношения как институционального образования, которое в строгом смысле антропологическим понятием не является, хотя и включает в себя субъекта права, в правоотношении она предлагает строго различать, с одной стороны, единичное существование человека-в-праве, значит удерживать человекомерность при анализе правовых связей, с другой – сами правовые связи как институциональные образования, или догматические конструкции.

В традиционном прочтении правоотношение представляет собой прежде всего связь формально-правового, нормативного типа, связь через субъективные права и обязанности. Эта характеристика общей теории правоотношения досталась в наследство от догматической юриспруденции. Конструктивная особенность правоотношения, следовательно, заключается в том, что она не позволяет перейти к практико-ориентированным моделям, типам правовых связей, что как раз и вызвано специфической характеристикой формализации. Сегодня же такой переход представляется более чем актуальным и насущным. Проблема повышения эффективности права, на наш взгляд, и связана с преодолением узкодогматического взгляда на правовую реальность, наглядным примером чего служит проблема соотношения понятия юридического конфликта и правоотношения.

Формализация связи в правоотношении предполагает рассмотрение субъектов права в качестве правовых абстракций, или, по крайней мере, «нормативных лиц», несмотря на то, что в жизни это всегда конкретные лица. Эти абстрактные лица вступают в такие же абстрактные правовые связи, определенные субъективным правом, обусловленным правовой нормой. В самой структуре правоотношения внутренние процессы отношения субъектов к тому, что они осуществляют в данном отношении, исключены – их заменяют модели прав и обязанностей, которые в некотором роде принимают эту функцию на себя. Таким образом, формализация в правоотношении как юридической конструкции делает субъекта правоотношения своего рода объектом, необходимым элементом этой юридической конструкции и не более. С.И. Архипов по этому поводу резонно отмечает, что «исходя из идеи первичности субъекта права,

можно утверждать, что не субъект права является элементом правовых отношений, наоборот, правовые отношения, связи „принадлежат“ субъекту права, Субъект – эта та ось, вокруг которой формируются правовые связи, отношения» [3, с. 76].

В формализации правоотношения можно усмотреть римскую правовую почву, которая досталась через немецкую догматическую юриспруденцию и строилась на сугубо цивилистической, договорной правовой основе. В отношениях договора в ситуации наличности правового контакта нет надобности в раскрытии внутренних ориентаций субъекта, его проявлений. Более того, римская правовая почва, на основе которой и была сформирована доктрина отношений, формировалась вне христианского контекста, поэтому она и не вобрала в себя христианские содержания, которые существенное значение придают личности, личностному, волевому началу. Вместе с тем интересно отметить, что внутренние антропологические проявления, например психическое отношение, присутствуют в другой юридической конструкции – в составе правонарушения, который, что показательно, разрабатывался вне цивилистической правовой доктрины.

Сопоставляя общую методологическую установку традиционного учения о правоотношении с задачами антропологической концепции права, можно сделать вывод, что теория правоотношений говорит нам лишь о юридических связях, но ничего не говорит о правовом существовании и правовой субъективации, на которые и направлено внимание антропологии права (хотя, и это нужно понимать, в этом, собственно, и состоит суть формализации и своего рода удобство данного метода). Антропология права же делает акцент именно на выявлении человекомерности в любых правовых образованиях, в том числе она пытается это сделать и в модели правоотношения. В общем можно сказать, что *антропологическая установка к правоотношению заключается в выявлении жизненно опытного, максимально приближенного к опыту правового существования процесса размещения и подвижности субъектов права в правоотношении. Концептуально и предварительно это можно пока описать так, что с антропологической точки зрения в правовом отношении важны не только корреспондирующие субъективные права и обязанности сторон, но и процессы правовой субъективации, которые указывают на правовой смысл юридической связи субъектов, в том числе и в части их расползания к субъективным правам и обязанностям.* В связи с вышеизложенным нельзя не привести суждение Н.В. Разуваева о месте ценности в формировании правового отношения, поскольку правовая субъективация и осуществляет на личностном уровне синтез нравственного и правового, ценности и юридического должностования. Так, по мнению ученого, «не только в частном праве... но и в ряде отраслей публичного права юриди-

ческие нормы органично вырастают из правоотношений. Это, в свою очередь, означает, что и здесь норме права как правилу поведения общего характера генетически предшествуют действующие в рамках этих отношений юридические ценности и создаваемые на их основе индивидуальные нормы», причем, замечает автор, «индивидуальные нормы, регулирующие поведение участников того или иного конкретного правового отношения, еще не могут рассматриваться в качестве норм права в строгом смысле этого слова» [4, с. 463].

Такой акцент на юридической ценности (хотя мы и понимаем ее иначе, нежели Н.В. Разуваев) в связи с правовой субъективацией в правоотношении связан для нас с практической и этической ориентацией антропологии права, т. е. с усиленным вниманием к человеку-в-праве в своих юридических практиках, в том числе и к значению его нравственного, ценностного позиционирования, которое исключается из анализа в традиционной модели правоотношения. Однако следует понимать, что применительно к понятию правовой субъективации в правоотношении речь идет не о нравственности в смысле внешнего нормирования поведения людей (мораль), а о внутренней установке субъекта, вытекающей из структур его личностной конституции и идентичности, которые и проявляются в его позиционировании в правовом отношении. Сходное положение представлено в концепции коммуникативного правоотношения А.В. Полякова [5], который хотя и не рассматривает ценностно-смысловое содержание процесса интерпретации субъектами правового общения правовых текстов, однако, очевидно, что таковое имеет место.

Таким образом, использование понятия правовой субъективации применительно к конструкции правоотношения существенно углубляет понимание реального протекания правового взаимодействия, преодолевает формализм поверхностного изображения обмена взаимными правами и обязанностями, вводит через личностные структуры ценностно-правовое измерение правоотношения, а также требует выделения в качестве признака, а возможно, в случае более доскональной проработки этого вопроса, и элемента правоотношения внутреннего расположения субъектов в правоотношении.

Несколько слов следует сказать и о возможном упреке, который может быть высказан в адрес изложенной здесь позиции об антропологическом понимании правоотношения, прежде всего с точки зрения проблемы нормативности и юридического долженствования.

Выше мы кратко описали методологические установки антропологического подхода к праву (переход от сущности права к его бытию). Уже из них можно заключить, что антропологическая концепция подходит к рассмотрению права не только и не столько как к миру объективного долженствования, т. е. не как к миру правовых норм и нормативности, а как к миру правового бытия, взятого одновременно во всех аспектах его

проявления – в его антропологической связанности, нормативности, погруженности в правовую жизнь, динамизме (становлении), процессуальности, со-временности, конкретности, ситуативности. Обратим внимание, что антропологическое понимание права как правового бытия не исключает аспект нормативности (в смысле объективного права¹), следовательно не устраняет аспект юридического долженствования, однако не позволяет смещать акцент только и прежде всего в сторону нормативности правоотношения. Четкое антропологическое позиционирование в конструкции правоотношения позволяет:

более полно, нежели только через права и обязанности, описать правовую связь субъектов правоотношения, основываясь на понимании права как правового бытия;

показать влияние действия человека-в-праве в правоотношении, его личностных структур на принятие юридически значимых решений;

более полно раскрыть все возможные факторы, влияющие на реализацию конкретного варианта поведения в рамках правоотношения;

раскрыть не нормативно обусловленные, однако юридически значимые антропологические содержания, в частности юридические ценности;

получить более эффективную, действенную модель правоотношения, особенно в случае упречного правоотношения для разрешения правовой ситуации.

Наглядным примером продуктивности такого подхода к решению проблемы методологических границ правоотношения служит идея использования в качестве альтернативы понятию правоотношения понятия юридической деятельности. Сама возможность использования понятия или даже конструкции юридической деятельности к анализу, например, правоприменительной практики возникает благодаря антропологической методологической установке на удержание внимания на значимости единичного существования человека-в-праве в его деятельности в рамках правоприменительных отношений. Основной акцент в познании юридически значимых ситуаций, в которых отсутствует конкретная, наличная правовая связь, например в охранительных материально-правовых отношениях, методологически переносится с правоотношения на юридическую деятельность субъекта права, или различные юридические практики, осуществляемые субъектом в правовой ситуации. Хотя правоотношение и задает рамочное условие юридической деятельности, однако антропология в этом случае предлагает рассматривать субъекта как человека-в-

¹ Пока вопрос о природе правовой нормативности нами затрагиваться не будет. В качестве гипотезы как условное допущение примем понимание нормы как долженствование в строго узкоюридическом смысле, как это имеет место в концепции нормативности Г. Кельзена.

праве, где главное значение приобретает не столько сугубо нормативное, сколько комплексное антропологическое содержание его деятельности. Однако это содержание подчинено юридической деятельности, целям правового регулирования и обнаруживает себя в процессе проявления, например, личного ценностного позиционирования через такие процедуры, как усмотрение, толкование, применение аналогии в праве и т. д. Это позволяет говорить о понятии юридической деятельности как более информативном и продуктивном методологическом средстве познания и работы с этой областью правовой реальности, нежели правоотношение. Неслучайно, видимо, специалисты отраслевых и прикладных юридических дисциплин рассматривают правовые параметры правоприменения именно в аспекте деятельности, а не правоотношения [6, 7].

Итак, обобщим вышеизложенное относительно антропологической позиции к развитию теории правоотношения.

1. *В соответствии с антропологическим типом правопонимания правоотношение рассматривается не столько как институциональное образование, сколько как со-бытие правовых существований.* Приоритет и отличие такого рассмотрения правоотношения от традиционного заключаются в том, что здесь правоотношение рассматривается не только в качестве формально-правовой, абстрактной связи, а в качестве личного правового отношения как соотнесения двух (трех и более – в зависимости от отношения) актов правового бытия. Традиционно правоотношение рассматривается как форма или вид общественных отношений, в которых приоритет отдается субъективным правам и обязанностям как производным от объективного права, – в антропологии права правоотношение прежде всего это не абстрактная нормативная связь, а сам человек-в-праве в его конкретном расположении к другому лицу. Методологически это очень важное различие, поскольку истоком отношения в праве, понимаемом как правовое бытие, является не норма объективного права, а встреча двух субъектов, лиц.

В таком случае правоотношение в рамках антропологического типа правопонимания можно условно назвать *антрополого-правовым отношением*, что будет указывать на методологическую конструктивную разницу в подходах к анализу взаимодействия субъектов права. Субъект в традиционной модели правоотношения лишь играет нормативную роль в уже готовой юридической конструкции, собственно, субъект в этом случае является элементом структуры правоотношения и подчиняется ее устройству, поэтому с позиции понимания права как правового бытия его позиция с антропологической точки зрения значения не имеет. На это можно, конечно, возразить, что право как область юридического должно иметь дело только с миром юридического нор-

мативного долженствования и не должно заниматься правовой онтологией, правовым бытием, однако антропология права такой подход однозначно не приемлет, поскольку рассматривает право как часть личного правового существования и социокультурного мира.

2. Одна из важных методологических особенностей, имеющих место в традиционной теории правоотношения, заключающаяся в строгом различении отношения между субъектами как правового (неправового), в антропологическом прочтении уходит на второй план. Сама по себе такая постановка вопроса предполагает делать акцент применительно к реальности права на отыскании его сущности и проведении отличия правового от неправового, причем сущности, уже по своему пониманию рассматриваемой деперсонифицировано, как сущности нормативного пространства. Антропологическая же концепция права, как мы показали выше, предполагает, что главное в праве выявляется не в сущности права, а в правовом бытии – в ситуации встречи человека-в-праве с нормой права и фактом правовой жизни. Применительно к правоотношению эта встреча есть правовое со-бытие – личное антропологически значимое правоотношение. Казалось бы, в традиционной теории права нет более близкой конструкции правовой жизни, чем правоотношение, однако правовую жизнь в конструкции правоотношения увидеть нельзя – технически она не предназначена для этого.

Исходя из такого антропологического понимания права *в правовой встрече двух лиц по поводу юридического главным и первичным, начальным во времени выступает не столько норма объективного права, которая содержит модель поведения субъектов правоотношения и обеспечивает юридизация отношения, сколько тип правовой субъективации этих лиц, включающий в себя и их ценностное позиционирование, расположение к норме права и друг к другу в конкретной юридически значимой ситуации.*

Как неоднократно отмечалось в литературе, нередко лица, вступая в правоотношения, вовсе не задумываются относительно своих субъективных прав и обязанностей, они, как правило, даже могут и не предполагать о существовании нормы объективного права, а действуют на основании своих личностных структур, которые в этом случае приобретают юридическую значимость из-за их проявления в области, обеспеченной правом в объективном смысле. Вследствие этого гносеологически хотя и можно сказать, что качество юридического правоотношению придает именно норма объективного права, что особенно обнаруживается в случае препятствия развитию отношения, его дефактности, однако главным движителем в правоотношении все же выступает правовая персона, человек-в-праве, если, конечно, рассматри-

вать правоотношение не с позиции догматики, а с позиции правового опыта, правовой жизни. Следовательно в антропологическом понимании права сама по себе апелляция к норме объективного права не имеет первоочередного значения. Выше мы уже говорили о значении нормы права и правоотношения в нормативном смысле применительно к охранительной правоприменительной деятельности – о недостаточности конструкции правоотношения для раскрытия сути этой деятельности и переходе к понятию юридической деятельности. В сфере же частного права, где конструкция правоотношения продуктивна, в большинстве жизненных ситуаций не норма объективного права конституирует свойство правоотношения как нормативного в смысле его восприятия как обязательного, а правовая субъективация лиц отвечает за это. На практике же обращение к конструктивным особенностям правоотношения происходит, как правило, в случае упречных ситуаций (совершение правонарушения, создание препятствия для развития правоотношения и т. д.) либо совершения сложной юридически значимой деятельности, требующей акцентирования внимания на субъективном праве (например, правозащитная деятельность).

3. В связи с тем что норма объективного права не рассматривается как первичный движитель правоотношения, тем не менее, в правовой реальности она все же выполняет функцию основы, прежде всего в формально-юридическом выражении, о чем мы уже упоминали выше применительно к проблеме нормативности и юридического долженствования. Вместе с тем антропологический подход к пониманию права предполагает, что этой основы недостаточно для выражения главного в праве, которое обнаруживается только в правовом бытии – в моменте встречи человека-в-праве с нормой права на фоне факта правовой жизни. Однако *норма объективного права дает возможность обеспечения нормативности и юридического долженствования относительного правового бытия в целом и правового отношения в частности*. Что же касается вопроса о правовом качестве этих норм и их правовой природе, то этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения и не входит в предмет настоящего исследования. Единственное, что можно заметить по этому поводу, это то, что в антропологии права вопрос о правовой природе нормативности решается по-иному, нежели в традиционных концепциях правопонимания. В соответствии с антропологической установкой этот вопрос находится в области идеальных образцов, практик правового существования человека-в-праве [8], а также в фиксации этих способов в правотворческой деятельности, которые и являются качественными критериями правового (неправового) в отношении нормы права.

Таким образом, относительно проблемы правоотношения в антропологической концепции права следует отметить, что особенность ан-

тропологического подхода к теории правоотношения основывается на теоретической работе: 1) по формированию концепции антропологического типа правопонимания и приложения ее содержания к теории правоотношения, 2) по прямому опытному схватыванию проблемы правоотношения на запросы практики параллельно устоявшейся догме правоотношения, 3) по совершенствованию традиционной догмы правоотношения. Такое представление правовой реальности и процесса действия права применительно к традиционной теории правоотношения позволило сформулировать антрополого-правовые особенности теории правоотношения. Главные из них заключаются в том, что антропологический подход к праву не направлен на изучение вопроса о том, «что есть право» – он направлен на познание вопроса «как есть право» в процессе правового существования субъекта права (человека-в-праве). Антропологический тип правопонимания основан на понятии правового бытия, под которым понимается способ осуществления права в правовой действительности, который характеризуется встречей человека-в-праве с такими актуальными и необходимыми составляющими правовой реальности, как норма права и факт правовой жизни.

Применительно к проблеме правоотношения антропология права использует потенциал традиционного учения о правоотношении, вместе с тем по ряду позиций считает его недостаточным. Основной недостаток теории правоотношения заключается в ее объективирующем и формальном характере рассмотрения отношения между субъектами права – теории правоотношения не имеет выхода на понятие правовой жизни и правового существования человека, что, однако, является преимущественной задачей антропологии права – выявление опыта правового существования человека, прежде всего в правоотношении. Потребность рассмотрения правоотношения не как институционального образования, а как личностного антрополого-правового отношения обусловлена тем, что с антропологической точки зрения адекватное понимание правовой реальности и действия права вне человекомерных концептов и образования невозможно, поскольку невозможно устранить процесс складывания человека-в-праве, его правовое существование из правовой жизни и ее телеологической определенности. Сегодня такая постановка вопроса обусловлена необходимостью решения проблемы повышения эффективности правового регулирования, которая, на наш взгляд, связана с преодолением узкодогматического правового представления. Сегодня это не просто теоретическая потребность – в современных условиях это требует сама юридическая практика, правовая жизнь.

1. Павлов В.И. Антропологический тип правопонимания как открытие человекомерности права // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2012. Вып. 7. С. 71–78.
2. Павлов В.И. Энергично-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности // Изв. вузов. Правоведение. 2012. № 2. С. 14–39.
3. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 469 с.
4. Разуваев Н.В. Нормы права и правоотношения в антропологической перспективе // Социокультурная антропология права : коллектив. моногр. / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 419–501.
5. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 864 с.
6. Баев О.Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 159 с.
7. Богданов Е.В. Правосудие как деятельность по управлению конфликтом // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2001. Вып. 11. С. 231–243.
8. Павлов В.И. Особистість у праві в посткласичній перспективі: абрис концепції // Філософія права і загальн. теорія права. 2012. № 2. С. 166–178.

УДК 340.12

С.А. Калинин, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Методологический плюрализм современной юриспруденции допускает использование антропологического подхода, основанного на аксиоматических и часто неартикулируемых представлениях о человеке, объединенных категорией «антропология», определяющих сущность механизма социального регулирования и публичной власти и пронизывающих бытие любой цивилизации. Таким образом, антропология, перенесенная в политико-правовую сферу, задает мировоззренческие стандарты бытия человека в социуме. Так, в античности обязанностью свободных людей была политическая деятельность, а труд пре-

зирался как удел рабов, христианство же придало труду высокое значение (2 Фес. 3: 10) и породило систему социального обеспечения из требования милосердия (Лк. 6: 30; Иак. 2: 14–17). Антропологический подход, который может быть рассмотрен и как составная часть мировоззренческой методологической программы, имеет инструментальное и содержательное измерение.

Инструментальное измерение основано на изучении функциональной роли представлений о человеке в конкретных механизмах социального регулирования и публичной власти. Этому соответствует феномен социальной антропологии, первоначально возникшей в лоне имперской (преимущественно британской) политики изучения «примитивных» народов [7]. В таком аспекте антропология включает совокупность научных дисциплин, изучающих исторические этапы развития человечества с позиции принципа холизма (ориентация на целостный многоаспектный анализ изучаемых явлений), исследующих состояния и процессы биологической и культурной дифференциации различных социальных групп и интеграции их в единое целое [20]. Это приводит к преимущественному изучению эмпирических фактов, требующих теоретических концепций для их отбора и осмысления [15, 19]. В юриспруденции такой подход используется еще со времен исторической школы [8, 11, 13, 23].

Содержательный критерий позволяет вести речь о конкретном антропологическом подходе, что соответствует исторически тесно связанным и взаимообусловленным феноменам философской и богословской антропологии. Философская антропология либо взгляды на человека в рамках философии изначально присущи данной форме мировоззрения. Иные древние цивилизации черпали собственные воззрения о человеке из содержания конкретных религий (богословская антропология), среди которых особую роль играла ветхозаветная религия, ставшая в дальнейшем основой христианской антропологии. Синтез богословия и философии состоялся в рамках христологических споров и эпохи вселенских соборов, когда церковь положительно раскрывала свое учение, используя философский категориальный аппарат античности [10]. В результате философия была признана «служанкой богословия», а философствование вне богословия было признано сомнительным.

В настоящее время под философской антропологией понимают специальную философскую дисциплину (последняя четверть XX в.), предмет которой сформировался путем интеграции представлений о человеке из общего философского дискурса. Философская антропология обобщает совокупность концепций неклассической и постклассической философии, провозгласивших человека исходным пунктом и конечной целью философии, и может рассматриваться как методологический принцип, так как любой философский дискурс исходит из